

Ката Го

СВОЯ

Ката Го

Своя

«Автор»

2026

Го К.

Своя / К. Го — «Автор», 2026

Можно прожить всю жизнь, стараясь быть удобной. Терпеливой. Правильной. Выбранной. И только однажды понять, что за всеми этими попытками почти не осталось самой себя. «Своя» — роман в рассказах, где каждая история становится точкой узнавания для женщины: почему любовь так часто превращается в зависимость, почему мы боимся занимать место в собственной жизни, зачем соперничаем друг с другом вместо того, чтобы поддерживать, и как меняется человек, когда впервые перестаёт заслуживать право быть любимым. Это история Риты, которая семь лет ждёт мужчину, потерявшего память и не перестающего рисовать её лицо. История Нюрки, сумевшей превратить ревность и соперничество в дружбу и поддержку. История Лены, пытавшейся удержать любовь контролем, страхом и манипуляциями, но столкнувшейся с последствиями собственных выборов. Истории десятков женщин, звучащие через судьбы участниц фонда «Своя». И истории мужчин, которые учатся не только любить, но и нести ответственность за свои поступки.

© Го К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21

Ката Го Своя

Глава 1

Глава 3. Девочка с солнцем в волосах

В тот год весна пришла рано и как-то не по календарю, а по дерзости.

Сугробы ещё не сошли до конца. Во дворах темнели рыхлые островки снега, у заборов лежали серые, упрямые пласты зимы, а земля уже дышала иначе, влажно, пряно, будто под ней кто-то очень живой ворочался во сне и вот-вот собирался проснуться. Воздух пах талой водой, ржавым железом качелей, корой, отогретой солнцем, и чем-то ещё почти неуловимым, от чего в груди делалось шире.

Рите было девять.

Она шла вдоль школьного забора и думала не о школе. И не о людях. И даже не о том, как бы не запачкать колготки, если снова полезет туда, куда нормальные девочки не лазают. Она думала о том, что чудо почему-то всегда приходит раньше, чем его ждёшь. Так, будто у чуда нет терпения соблюдать человеческие сроки.

И чудо действительно было там.

За забором, у самой земли, почти уткнувшись в последний зернистый снег, росли маленькие жёлтые мать-и-мачехи. Такие ранние, что от одного их вида хотелось смеяться и плакать одновременно. Они выглядели так, будто кто-то взял кусочек солнца и воткнул его прямо в грязноватый весенний двор.

— Ура... — вырвалось у Риты.

Не слово даже. Вздых, вскрик, счастье.

Она оглянулась по сторонам, будто боялась, что цветы сейчас заметят и отберут, и, не думая больше ни о чём, ловко перелезла через забор. Пальто зацепилось за гвоздь, колготка на колене сразу намочила, ботинок провалился в рыхлую чёрную землю, но Рита этого почти не заметила.

Она присела перед цветами на корточки.

Близко-близко.

Так, что могла рассмотреть тёмные прожилки на лепестках, крошечные комочки земли у стеблей, тонкий золотой пух в серединках. Цветы стояли маленькой дерзкой стайкой, будто не спрашивали ни у кого разрешения жить. И это тронуло её так сильно, что на секунду в горле стало тесно.

— Какие же вы смелые, — прошептала она. — Как можно вас не любить?

Для Риты это не было странностью. Мир ведь и правда разговаривал. Не словами, конечно. Но бликами, запахами, дрожью веток, солнечными пятнами на воде, внезапным теплом в груди. Просто взрослые переставали это слышать и потом называли тишиной то, что на самом деле было полным голосов.

За спиной послышался велосипедный звонок.

Потом ещё один.

Потом визгливый девчачий голос, который влетел в воздух раньше самих велосипедов:

— Не подходи к ней! Она странная! Только что разговаривала сама с собой и перелезла через забор!

Рита вздрогнула и обернулась.

Солнце било из-за спин, поэтому сначала она увидела только свет. Он вспыхнул в металлических спицах, на руле, на растрепавшихся прядях тёмных волос одной девочки, на светлой рубашке мальчика. А потом лица начали проступать из этого сияния, как из воды.

Девочка была постарше, худенькая, быстрая, с острыми коленками, с тонкими губами, вечно готовыми к нападению, и глазами, в которых жили одновременно смех и обида. Она сидела на велосипеде так, будто он был не средством передвижения, а частью её характера. Позже Рита узнает, что это Нюрка, и поймёт: некоторые люди рождаются уже как порыв ветра. Не злые. Просто слишком резкие, чтобы сразу быть понятыми.

А рядом с ней был мальчик.

И вот он-то ударил Риту по сердцу так, что воздух из груди вышел весь сразу.

Он был старше. Высокий для своих лет, ещё не нескладный, а уже длинный. Светловолосый не по-детски мягко, с теми тёмными, чуть влажными от весеннего ветра ресницами, которые почему-то всегда бывают у мальчиков, не подозревающих, что красивы. Его глаза Рита потом долго не могла описать даже самой себе. Не зелёные. Не карие. Не серые. В них было что-то тёплое, солнечное и глубокое сразу, как если бы кто-то смешал мёд, листву и речную воду.

Он смотрел на неё не так, как смотрят на странных девочек.

Не настороженно.

Не насмешливо.

Не оценивающе.

Он смотрел на неё так, будто она действительно только что вылетела из-за забора.

Как чудо.

Рита никогда раньше не видела такого взгляда. От него по её телу сразу побежали тёплые мурашки, будто кто-то невидимый взял её за плечи изнутри и тихо встряхнул.

Мальчик затормозил так резко, что чуть не слетел с велосипеда.

Протёр глаза тыльной стороной ладони.

И, собрав в себе весь воздух, какой смог, сказал с поразительно серьёзной для мальчишки прямоотой:

— Девочка, ты такая красивая. Как тебя зовут?

У Риты просияло лицо.

Она хотела ответить сразу. Хотела даже не просто назвать имя, а сказать что-то хорошее в ответ. Что он тоже красивый. Что у него очень добрые глаза. Что он появился как раз в тот момент, когда мир и без того был слишком прекрасен, и от этого всё стало почти невыносимо. Но мурашки разлились по телу такой волной, что её голос просто исчез.

Она улыбнулась.

И, сама не понимая зачем, протянула ему один маленький жёлтый цветок.

Солнце играло в её волосах.

Русых, чуть рыжеватых, чуть выющихся на концах. Они никогда не лежали как надо, а в такую погоду и вовсе оживали отдельно от неё: тонкие пряди поднимались ветром, ловили свет и будто начинали светиться сами. Мать иногда сердилась, называла их «лохматым веником», но мальчик на велосипеде смотрел на них так, будто в мире не было ничего прекраснее.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать.

Рита видела, как слова уже подошли к самому краю. И не вышли.

Нюрка подлетела ближе и почти ткнулась рулём ему в бок.

— Я же говорю, странная, — зашипела она уже тише, но так, чтобы Рита тоже слышала. — Тебя в школе засмеют. Видишь, молчит.

Печаль так резко ударила Риту, что у неё потемнело внутри. Не снаружи, нет. Мир остался тем же: солнце, забор, цветы, мокрая земля. Но внутри будто мгновенно пролили холодную воду на что-то очень нежное и только-только расправившееся.

Мальчик дёрнулся.

Она увидела — он стыдится.

Не её. Себя.

Но это ничего не изменило.

Он поехал за Нюрой.

Не быстро. Не уверенно. Будто сам не понял, как уже тронулся с места.

Рита осталась у забора одна.

В руке у неё ничего не было. Цветок остался у него.

Она смотрела вслед удаляющимся велосипедам и чувствовала, как тёплые мурашки всё ещё бегают по телу, только теперь в них почему-то поселилась боль.

— Это они больные, а не я, — сердито шепнула она цветам. — Особенно эта велосипедная девка.

Ей очень хотелось верить, что это правда.

Хотелось удержать в себе хотя бы одну вещь: мысль, что с нею всё в порядке.

Через несколько секунд она услышала, как где-то далеко за поворотом скрипнули тормоза.

Потом ещё.

Потом тишина.

А потом мальчик вернулся.

Уже один.

Рита не видела самого момента, когда он снова появился у забора, потому что в ту секунду как раз перелезала обратно. Но почувствовала его раньше, чем заметила. То самое тепло снова ударило по телу. Она подняла голову.

Он был совсем рядом.

Смотрел на неё виновато, растерянно, решительно и будто ещё на что-то надеясь.

Но Рита испугалась.

Не его.

Того, как сильно ей уже хотелось, чтобы он снова заговорил.

Она соскочила на дорожку, схватилась за мокрый край забора, развернулась и побежала, не разбирая дороги. Только бы не заплакать у него на глазах. Только бы не выдать, как важен оказался этот его один взгляд.

За спиной ничего не звучало. Ни оклика, ни смеха, ни шин по асфальту.

Только сердце колотилось так, будто хотело вырваться и остаться там, у школьного забора, рядом с цветами и мальчиком, который сначала подъехал, а потом уехал.

Саня ездил по району до самого заката.

Он сам не знал, что именно ищет. Дом? Окно? Двор? Девочку? Он запомнил слишком мало, чтобы искать разумно, и слишком много, чтобы перестать искать. Свет в её волосах. Улыбку. Тонкие пальцы, протягивающие мать-и-мачеху. И глаза странного цвета, в которых было столько тепла, что он до сих пор чувствовал его в груди.

Мать-и-мачеха, которую она ему дала, уже начала поникать в ладони.

Он держал её так осторожно, будто это был не цветок, а доказательство того, что всё случилось на самом деле.

— Я тебя найду, — сказал он закату, когда улицы уже стали оранжевыми, а деревья потемнели. — Обязательно.

Слова прозвучали тихо.

Но в груди после них вдруг разлилось что-то очень тёплое и странное. Не просто радость. Не просто счастье. Будто внутри стало больше места. Будто сердце у него оказалось не там, где у всех, а немного шире, и теперь по нему шёл свет.

Саня не понимал, что это.

Но ему нравилось.

Дома он взял с полки старую книгу сказок, спрятал туда мать-и-мачеху и закрыл между страниц так бережно, как будто совершал клятву.

Цветок должен был сохраниться.

Хотя бы он.

Хотя бы память о том, что в его жизни однажды появилась девочка с солнцем в волосах.

Весна после этого как будто пошла иначе.

Саня стал тише.

Взрослые говорили, что он повзрослел. Что стал серьёзнее. Что на него можно положиться. Мама с нежностью гладила его по голове, отец одобрительно прищуривался и называл наконец «мужиком», хотя Сане от этого слова делалось только неуютнее. Он не чувствовал себя мужиком. Он чувствовал себя человеком, у которого появилось что-то тайное и очень большое.

Нюрка сначала бесилась.

Потом смеялась.

Потом пыталась делать вид, что ей всё равно.

Но Саня и правда изменился. Он больше не втягивался в её бесконечные соревнования, хотя ездил на велосипеде по-прежнему превосходно. Просто теперь скорость перестала казаться ему главным смыслом движения. Нюрка обожала мчаться, будто хотела доказать самой дороге, что победит её. Саня же всё время смотрел по сторонам: на драку ворон в луже, на блеск стекла у разбитой теплицы, на клейкие листья тополя, на первые тонкие травинки у обочины.

— Ну что ты плетёшься? — кричала Нюрка с конца улицы. — Опять влюбился в какой-нибудь листик?

— Не в листик, — отвечал он.

— А во что?

Саня пожимал плечами.

Он не собирался никому рассказывать о девочке с солнцем в волосах. Тем более Нюрке. Тем более сейчас, когда сам ещё не понимал, как можно носить в себе такое чувство и не светиться им наружу, как фонарь.

Но всё равно светился.

Нюрка видела это. И злилась так, будто ей не объяснили правил игры, а она уже проиграла.

Лето подошло быстро.

Саня всё искал.

Сначала осторожно. Потом почти одержимо. После школы делал круги мимо забора, как будто девочка могла появиться снова просто из-за силы его ожидания. Он придумал этому месту имя — Колыбель солнца. Ему казалось, что именно там что-то началось не только у цветов, но и в нём самом.

Он искал всё лето.

И не нашёл.

Потом пришла новость.

Переезд.

Отец получил повышение. Семья должна была уезжать в столицу.

Саня сначала не понял смысла сказанного. Слова матери долетали будто из воды, медленно, глухо, с задержкой. Только когда она обняла его, он вдруг осознал: если они уедут сейчас, он может больше никогда не увидеть девочку с солнцем в волосах.

Это осознание обрушилось на него целиком.

Он опустился прямо на пол, не потому что хотел драматизировать, а потому что ноги перестали держать.

— Значит, я так и не смогу найти её, — сказал он с такой беспомощной прямоотой, что мать замолчала.

— Найти кого? — тихо спросила она.

Он вытер лицо ладонью. Только тогда понял, что плачет.

— Девочку с солнечными волосами.

Мать смотрела на него долго. Не насмешливо. Не испуганно. Скорее так, как женщины смотрят на мальчиков в первый момент, когда понимают: детство уже не вернётся в прежнем виде.

— Почему же ты не познакомился? — спросила она.

Саня закрыл глаза.

— Я струсил.

Слово ударило его самого.

Да, именно это и произошло. Не Нюрка виновата. Не весна. Не возраст. Он сам. Он выбрал стыд вместо верности своему чувству. И теперь платил за этот выбор заранее, ещё до отъезда.

— Мне очень надо извиниться перед ней, — сказал он. — Очень.

Но переезд не отменили.

Отец уезжал первым. Мать не могла остаться одна с вещами и ребёнком. Жизнь взрослых, как оказалось, не меняла курс только потому, что мальчик однажды увидел солнце в чужих волосах и понял про мир что-то главное.

В ночь перед отъездом Саня пришёл к школьному забору.

Было темно. Воздух пах мокрой травой и металлом. Мать-и-мачехи давно исчезли. Земля уже всё забрала обратно. У него в кармане лежал кусок мела.

Он долго стоял перед досками, не решаясь.

Потом написал:

Я тебя люблю. Прости меня.

И рядом попытался нарисовать одуванчик. Получилось криво. Больше похоже на кляксу со щетинками. Но ему очень хотелось верить, что если она увидит, то поймёт: это для неё.

Для девочки, которая разговаривала с цветами.

Для девочки, в чьих волосах солнце однажды повело себя как живое.

В столице жизнь оказалась слишком быстрой.

Школа. Учёба. Люди. Новый ритм. Новые голоса. Новые требования. Всё было крупнее, громче и как будто настойчивее. Здесь даже воздух не просил, а требовал. Отвечай. Беги. Решай. Соответствуй.

Но девочка с солнцем в волосах не ушла.

Наоборот.

Она стала как внутренний источник света, который вспыхивал иногда так резко, что у Сани дыхание сбивалось прямо в метро, на лестнице, у витрины, на уроке. Он носил её в себе не как воспоминание даже, а как знание: в мире есть нечто настолько прекрасное и настоящее, что ради этого стоит быть лучше, чем ты был в тот момент у школьного забора.

Он никому не рассказывал об этом.

Даже матери.

Только иногда открывал книгу сказок, где между страниц лежала высохшая мать-и-мачеха, уже почти прозрачная, и сидел над ней молча, пока внутри не становилось снова тихо.

Прошло два года.

Он вырос. Вытянулся. Научился держать удар, не теряя равновесия. Мальчишки во дворе прозвали его Кузнечиком, потому что в драках он почти не бил первым, только уворачивался, отпрыгивал, ускользал. Прозвище ему понравилось. В нём было движение, а не тяжесть. Жизнь, а не поза.

Но главное в нём не изменилось.

Он всё ещё ждал.

Родители не любили возить его обратно в город. Сначала говорили, что некогда. Потом, что незачем. Потом просто отшучивались, будто его история про девочку с солнечными волосами была милой детской нелепостью, которая однажды сама рассосётся, как корочка от детской ранки.

Саня знал, что не рассосётся.

Поэтому копил деньги.

Работал летом.

Считал.

Отказывался от лишнего.

И, когда смог, купил билет сам.

Прилетел в конце октября.

Осень в родном городе встретила его золотом и тихой прозрачной грустью. Листья шуршали под ногами, воздух был такой ясный, что от него немного болели лёгкие, а солнце не грело, а светило изнутри вещей.

Саня часами бродил вокруг того самого места у школьного забора.

Ему стало страшно только одно: что он не узнает её.

Что сохранил слишком мало.

Что помнит только свет в волосах, странный цвет глаз и то ощущение, будто рядом с ней он вдруг стал больше, чем был до этого.

Но сердце, как оказалось, не подводит там, где память бессильна.

В тот день оно вспыхнуло в нём так резко, что он даже остановился.

Просто среди улицы.

Ни с того ни с сего.

Тепло разлилось по груди, мурашки побежали по телу, как тогда, два с половиной года назад, у школьного забора.

— Но где же ты?.. — тихо выдохнул он.

И тут увидел её.

Сначала не лицо.

Фигуру.

Маленькую, стремительно бегущую по улице. Совсем юную. С заплаканным, как потом выяснилось, лицом. Волосы были заплетены, и всё равно в них играло солнце. Не сияло снаружи, а будто жило внутри каждой пряди.

Она неслась прямо на него, глядя не под ноги, а в небо, как человек, который ещё надеется успеть к чему-то очень важному.

Саня не отошёл.

Он только успел раскинуть руки и чуть расслабить тело, чтобы не ушибить её сильнее.

Они врезались друг в друга.

Удар вышел мягким.

Он успел удержать её, почти поймать, почти не дать упасть.

На секунду мир сжался до очень простых вещей: её дыхания, солнца в её волосах, тёплого веса маленького тела, которое тут же попыталось выскользнуть.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, не поднимая глаз.

Та же мурашечная беспомощность ударила в него, что и в первую встречу. Ему хотелось сказать сразу всё: что он искал её, что не забывал, что это он, что она прекрасна, что он так и не простил себе того уезда.

Вышло только едва слышное:

— Ничего страшного. С тобой всё в порядке? Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю. Прости, что уехал тогда на велосипеде.

Но она уже бежала дальше.

Не слышала.

Саня остался на месте ещё на секунду.

Потом пошёл следом.

Не близко. Не навязчиво. На расстоянии, на котором ещё можно заботиться, не пугая.

Она спешила к пруду.

И когда села на старую корягу у воды, он вдруг понял: нет, он не ошибся.

Она шла на встречу с солнцем.

Закат уже начинал опускаться за горизонт. Вода в пруду переливалась густо и медово, солнце дробилось на ней сотнями тонких золотых дорожек, а девочка с солнцем в волосах сидела на коряге и смотрела так, будто мир в этот момент действительно имел смысл.

Саня остановился в тени деревьев.

Он не подошёл.

Не потому что не хотел.

Потому что снова не мог справиться с речью.

Тепло уже разлилось по груди. Мурашки бежали по рукам. Голос будто кто-то у него отнял и сказал: подожди. Посмотри. Запомни.

Он смотрел.

Видел, как у неё постепенно расправляются плечи. Как уходит с лица дневная боль. Как солнце входит в неё через прищуренные ресницы, и от этого она становится не просто красивой, а такой живой, что почти больно смотреть.

И в тот момент он понял ещё одну вещь.

Он хочет не просто найти её.

Он хочет защищать её от того, что делает её вот такой печальной до заката.

Но как — не знал.

Это бессилие жгло.

И любовь тоже жгла.

И оттого ему стало удивительно хорошо и тяжело сразу, как бывает, когда в тебе помещается больше света, чем ты, как тебе кажется, способен вынести.

Он проследовал за ней до самого дома.

Несколько раз пытался заговорить.

Не смог.

Зато теперь знал, где она живёт.

А это было уже почти чудо.

Он вернулся в гостиницу поздно ночью и долго лежал без сна.

Смотрел в потолок.

Слушал, как за окном редко проезжают машины.

И думал только об одном: завтра он пойдёт рядом с ней в школу. С рюкзаком, будто просто старшеклассник, которому по пути. И на этот раз не уедет.

Он найдёт слова.

Обязательно.

Потому что девочка с солнцем в волосах не должна больше исчезнуть просто из-за того, что у него снова подвёл язык.

Рита не знала, куда себя деть.

Не метафорически — буквально. В теле не было места, где можно было бы стоять спокойно. Всё внутри словно сместилось, съехало, стало чужим. Хотелось взмахнуть крыльями и исчезнуть, но крылья, если они когда-то и были, давно куда-то пропали.

— Почему твой отец такой... — голос матери резал, не договаривая слова до конца, но Рита и так знала их все.

Они били не в уши.

В грудную клетку.

Прямо в центр.

Слова не просто звучали — они ложились на неё тяжёлым слоем, липким, вязким, как если бы её по пояс заливали тёплой грязью. Отчаяние, злость, усталость, обида, накопленная годами, — всё это выходило из матери потоком, в котором Рите не оставалось ни воздуха, ни пространства.

Она стояла посреди комнаты.

Почти не двигаясь.

Как будто её вкопали.

Отвечать было нельзя. Рита знала это уже слишком хорошо. Любое слово — и поток усилится. Станет громче, быстрее, больнее. Мать не остановится. Пройдёт по ней, как танк, пока не останется ничего, кроме пустоты и дрожи.

Поэтому Рита молчала.

И ждала.

Когда это закончится.

В голове всплывали мысли, резкие, чужие, как обрывки чужих разговоров:

Почему меня никто не защищает?

Почему все ненавидят друг друга, но продолжают жить вместе?

Зачем жертвовать собой, чтобы потом убивать этим же?

Чем я провинилась?

С каждым словом матери внутри становилось холоднее.

И вдруг — свет.

Не снаружи.

Сначала в глазах.

Потом — на полу.

Рита опустила взгляд.

Сквозь тонкую тюль на полу лежали солнечные пятна. Неровные, живые. Тюль чуть покачивалась от приоткрытой форточки, и свет двигался вместе с ней — мягко, плавно, будто дышал. Он прыгал с ковра на паркет, дробился, собирался, менял оттенки, как если бы играл сам с собой.

Рита смотрела.

И вдруг заплакала.

Не всхлипывая.

Не сжимаясь.

Не закрывая лицо.

Слёзы просто текли.

Тело всё ещё стояло, тяжёлое, чужое, как будто наполовину закопанное в землю, но где-то глубже появилось ощущение: *я ещё здесь*.

— Как же всё-таки красиво, — подумала она сквозь слёзы.

И в этом не было противоречия.

Можно было стоять по пояс в чужой боли — и одновременно видеть, как свет танцует на полу.

Свет не отменял боли.

Но не давал ей стать всем.

Постепенно голос матери стал тише.

Потом — мягче.

Потом в нём появились нотки жалости, как будто она сама испугалась того, что выплеснула.

— Пойдём, — сказала она уже иначе. — Чай попьем.

Рита кивнула.

Коричневая тяжесть внутри не исчезла, но стала менее вязкой. Уже можно было двигаться. Медленно. Осторожно. Как человек, который привык ходить, когда ноги ещё не до конца слушаются.

Она знала: через несколько минут её отпустят.

И она выйдет.

К солнцу.

Мысль о закате появилась как спасательный круг.

Закат, закат, закат.

Она держалась за него, как за верёвку.

Когда наконец вышла из квартиры, тело было тяжёлым. Руки не поднимались до конца. В груди ныло. Ноги шли чуть вразвалку, как будто земля под ними ещё не решила, отпускать её или нет.

Но небо уже розовело.

Рита подняла голову.

— Успею, — прошептала она.

И побежала.

Получалось плохо.

Тело не слушалось, дыхание сбивалось, в какой-то момент она задела вазу у входа, та упала, вода расплескалась по полу, пришлось возвращаться, вытирать, переодеваться. Это отняло драгоценные минуты.

Теперь она уже не бежала — она догоняла.

Закат.

Свет.

Себя.

— Только бы успеть, — повторяла она.

И именно в этот момент врезалась.

Во что-то мягкое.

Точнее — в кого-то.

Удар оказался неожиданно бережным.

Будто её не остановили, а поймали.

Рита вздрогнула.

Опустила глаза.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, не поднимая головы.
Она не смотрела на него.
Старая детская привычка: если не видишь — будто и тебя не видно.
Но голос она услышала.
Тихий.
С чуть заметным дыханием между словами.
— Ничего страшного... С тобой всё в порядке? Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю... Прости, что уехал тогда на велосипеде...
Она не услышала смысл.
Слова прошли мимо.
Как ветер.
Рита уже бежала дальше.
К пруду.
Когда она добралась до коряги, солнце уже на треть ушло за горизонт.
Она села.
Сразу.
Как будто больше не могла стоять.
Дыхание постепенно выровнялось.
Слёзы высохли.
Она прищурилась — и позволила свету войти.
Он лился внутрь через ресницы, через глаза, через кожу. Тёплый, густой, как мёд. Он проходил сквозь грудь, где ещё недавно застревали слова матери, и что-то там осторожно освобождал.
Шипы отваливались.
Не сразу.
Но один за другим.
Тело начало чуть подрагивать — как бывает после плача, когда напряжение выходит само, без разрешения. Рита вовремя это заметила и остановила. *Только бы никто не увидел.*
Солнце лечило.
Она знала это уже давно.
— Как же хорошо, — прошептала она.
И вдруг поймала мысль.
Эти мурашки...
Они снова побежали по телу.
Такие же.
Как тогда.
У забора.
Когда мальчик на велосипеде сказал, что она красивая.
Рита чуть улыбнулась.
— Интересно... почему я сегодня так часто о нём думаю?
Солнце медленно опускалось.
И как будто отвечало:
А разве для радости нужна причина?
Она улыбнулась шире.
И впервые за весь день почувствовала не просто облегчение — радость. Тихую, беспричинную, как будто она принадлежала не событиям, а самому миру.
Саня стоял в тени деревьев.
Он видел всё.
Не каждую деталь — состояние.

Он видел, как она пришла — сжатая, как пружина.

Как села — будто у неё больше не осталось сил.

Как постепенно отпустило плечи.

Как лицо стало мягче.

Как свет начал жить в ней.

Он не сомневался.

Это она.

Та самая.

Девочка с солнцем в волосах.

Теперь волосы были собраны в косу, но отдельные пряди выбивались, ловили закат и загорались тёплым, живым светом. Не отражали — держали его.

Саня сделал шаг вперёд.

И остановился.

Тепло уже разлилось по груди. Знакомое. Сильное. Почти болезненное.

Слова не шли.

Он снова оказался тем мальчиком у забора.

Только теперь понимал больше.

Он не должен сейчас вторгаться.

Она не для того пришла сюда, чтобы с ней говорили.

Она пришла — дышать.

И он остался.

Смотрел.

Учился молчать рядом.

Он увидел, как она улыбается закату.

И в этот момент понял:

он хочет не просто быть рядом.

Он хочет, чтобы у неё было больше таких моментов.

Чтобы никто и ничто не могло забрать у неё это состояние.

Но как это сделать — не знал.

Поэтому просто стоял.

И чувствовал, как внутри становится больше света, чем раньше.

Когда солнце почти скрылось, Рита встала.

Медленно.

Как человек, который снова научился двигаться.

Она пошла домой.

Саня — за ней.

На расстоянии.

Не скрываясь, но и не приближаясь.

Он провёл её до самого подъезда.

Там остановился.

Дальше идти было нельзя.

Не по правилам.

Не по возрасту.

Не по какому-то внутреннему ощущению границы, которое он пока не мог объяснить, но уже чувствовал очень точно.

Он смотрел, как она заходит.
Как закрывается дверь.
И только тогда позволил себе выдохнуть.
Завтра, — подумал он.
Завтра я заговорю.
Он уже знал, как.
Просто будет рядом.
Пойдёт в ту же сторону.
С рюкзаком.
Как будто ему тоже в школу.
И на этот раз не отступит.
Потому что девочка с солнцем в волосах больше не должна исчезнуть из его жизни из-за его молчания.
Он стоял у подъезда ещё несколько секунд.
Потом развернулся.
И пошёл в ночь, в которой уже не было той пустоты, что была раньше.
Внутри у него горел тихий, упрямый свет.
И он знал:
это только начало.
На следующее утро он вышел раньше.
Надел рюкзак.
Не потому что надо —

чтобы не пугать.
Стоял у поворота к школе и делал вид, что просто ждёт кого-то.
Сердце билось странно ровно.
Как перед чем-то важным.
Она появилась не сразу.
Сначала — свет.
Потом — она.
Рита шла быстро, почти бежала, глядя в небо, как будто проверяла, на месте ли солнце.
Саня сделал шаг.
Потом ещё один.
И в этот раз — не остановился.
— Привет, — сказал он.
Голос вышел тише, чем хотелось, но уже настоящий.
Рита вздрогнула.
Подняла глаза.
И замерла.
Зелёно-карие.
Те самые.
Взгляд, который уже когда-то держал её — и не отпустил.
Тепло ударило в грудь.
Сразу.
Мурашки — как тогда.
— Ты красивая, — сказал он, не успев придумать ничего умнее. — Как тебя зовут?
Рита попыталась ответить.
Не получилось.
Тело снова решило за неё.

Она улыбнулась.

И этого оказалось достаточно.

— Замёрзла? — быстро добавил он, спасая её молчание.

— Да, — выдохнула она, благодарная за возможность хоть что-то сказать.

— Я Саня.

— Рита...

Имя прозвучало как что-то знакомое.

Как будто он знал его всегда.

Они пошли рядом.

Не договариваясь.

Не синхронизируя шаг.

Но темп совпал сразу.

— Ты в каком классе?

— В шестом...

— Маленькая, — сказал он и тут же испугался, что это прозвучало неправильно. — В смысле... это не важно.

Рита тихо засмеялась.

И напряжение чуть отступило.

— Ты любишь велосипеды? — спросил он вдруг.

— Не умею, — честно ответила она.

Саня остановился.

Посмотрел на неё внимательно.

Как будто принял решение.

— Тогда сегодня научу.

— Сегодня?

— Да.

— В два?

Она кивнула.

И впервые посмотрела на него прямо.

Осознанно.

Солнце зацепилось за её волосы.

Разложилось на тонкие нити.

И Саня снова подумал:

солнце не снаружи — оно в ней.

В два он был на месте раньше.

С велосипедом.

Маленьким.

Нелепым для него.

Идеальным для неё.

Он не сел.

Он бежал рядом.

Держал руль.

Подстраивался под её неуверенность.

Не отпускал.

И не давал почувствовать, что она не справляется.

— У тебя получается, — говорил он.

Хотя она падала почти сразу.

— Нет...
— Да.
— Я худшая...
— Ты просто учишься.
Она смеялась.
Потом почти плакала.
Потом снова смеялась.
Через пятнадцать минут ей казалось, что прошёл час.
Через час — что прошла жизнь.
И в этой жизни было что-то совершенно новое:
кто-то рядом,

кто не торопит,

не раздражается,

не давит.
Они дошли до пруда.
Сели на корягу.
Ту самую.
— Я здесь играл в детстве, — сказал он.
— Я тоже, — удивилась она.
И это «тоже» стало между ними мостом.

Он говорил.
Много.
Легко.
За двоих.
Чтобы ей не пришлось.
И это было самым точным попаданием.
Он не требовал ответа.
Не ждал.
Просто был рядом.
И в этом было столько уважения,

что Рите впервые стало спокойно.
Она слушала.
И чувствовала:
её не нужно исправлять.

Когда он рассказал про тот день с велосипедом —
она не выдержала.
Заплакала.
И уткнулась ему в грудь.
Сразу.
Без разрешения.
Без мысли.

Как будто знала:
здесь можно.
Он замер.
Потом осторожно обнял.
Очень аккуратно.
Будто держал свет.

Неделя пролетела.
Не днями.
Состоянием.
Он провожал её.
Забирал.
Учился вместе с ней.
Учил её.
Смеялся.
Молчал.
Смотрел, как солнце ложится в её волосы.
И каждый раз думал:
я должен стать сильнее.
Не ради себя.
Ради неё.

Перед отъездом он сказал:
— Я буду помогать тебе поступить.
— В столицу?..
— Да.
— Я не смогу...
— Сможешь.
Он сказал это спокойно.
Как факт.
И она поверила.
Сразу.

Они стояли у автобуса.
— Мы будем писать, — сказал он.
— Каждый день?
— Каждый.
— И ты приедешь?
— Как только смогу.
Пауза.
— Я подожду, пока ты вырастешь, — добавил он тихо.
Она улыбнулась сквозь слёзы.
— Я быстро.

Когда автобус уехал,

Рита долго стояла.
Смотрела вслед.
И чувствовала:
внутри стало больше света,

чем раньше.
Не потому что стало легче.
А потому что появилось направление.

Глава 2

Глава 3. Девочка с солнцем в волосах

В тот год весна пришла рано и как-то не по календарю, а по дерзости.

Сугробы ещё не сошли до конца. Во дворах темнели рыхлые островки снега, у заборов лежали серые, упрямые пласты зимы, а земля уже дышала иначе, влажно, пряно, будто под ней кто-то очень живой ворочался во сне и вот-вот собирался проснуться. Воздух пах талой водой, ржавым железом качелей, корой, отогретой солнцем, и чем-то ещё почти неуловимым, от чего в груди делалось шире.

Рите было девять.

Она шла вдоль школьного забора и думала не о школе. И не о людях. И даже не о том, как бы не запачкать колготки, если снова полезет туда, куда нормальные девочки не лазают. Она думала о том, что чудо почему-то всегда приходит раньше, чем его ждёшь. Так, будто у чуда нет терпения соблюдать человеческие сроки.

И чудо действительно было там.

За забором, у самой земли, почти уткнувшись в последний зернистый снег, росли маленькие жёлтые мать-и-мачехи. Такие ранние, что от одного их вида хотелось смеяться и плакать одновременно. Они выглядели так, будто кто-то взял кусочек солнца и воткнул его прямо в грязноватый весенний двор.

— Ура... — вырвалось у Риты.

Не слово даже. Вздых, вскрик, счастье.

Она оглянулась по сторонам, будто боялась, что цветы сейчас заметят и отберут, и, не думая больше ни о чём, ловко перелезла через забор. Пальто зацепилось за гвоздь, колготка на колене сразу намокла, ботинок провалился в рыхлую чёрную землю, но Рита этого почти не заметила.

Она присела перед цветами на корточки.

Близко-близко.

Так, что могла рассмотреть тёмные прожилки на лепестках, крошечные комочки земли у стеблей, тонкий золотой пух в серединках. Цветы стояли маленькой дерзкой стайкой, будто не спрашивали ни у кого разрешения жить. И это тронуло её так сильно, что на секунду в горле стало тесно.

— Какие же вы смелые, — прошептала она. — Как можно вас не любить?

Для Риты это не было странностью. Мир ведь и правда разговаривал. Не словами, конечно. Но бликами, запахами, дрожью веток, солнечными пятнами на воде, внезапным теплом в груди. Просто взрослые переставали это слышать и потом называли тишиной то, что на самом деле было полным голосов.

За спиной послышался велосипедный звонок.

Потом ещё один.

Потом визгливый девчачий голос, который влетел в воздух раньше самих велосипедов:

— Не подходи к ней! Она странная! Только что разговаривала сама с собой и перелезла через забор!

Рита вздрогнула и обернулась.

Солнце было из-за спин, поэтому сначала она увидела только свет. Он вспыхнул в металлических спицах, на руле, на растрепавшихся прядях тёмных волос одной девочки, на светлой рубашке мальчика. А потом лица начали проступать из этого сияния, как из воды.

Девочка была постарше, худенькая, быстрая, с острыми коленками, с тонкими губами, вечно готовыми к нападению, и глазами, в которых жили одновременно смех и обида. Она сидела на велосипеде так, будто он был не средством передвижения, а частью её характера.

Позже Рита узнает, что это Нюрка, и поймёт: некоторые люди рождаются уже как порыв ветра. Не злые. Просто слишком резкие, чтобы сразу быть понятыми.

А рядом с ней был мальчик.

И вот он-то ударил Риту по сердцу так, что воздух из груди вышел весь сразу.

Он был старше. Высокий для своих лет, ещё не нескладный, а уже длинный. Светловолосый не по-детски мягко, с теми тёмными, чуть влажными от весеннего ветра ресницами, которые почему-то всегда бывают у мальчиков, не подозревающих, что красивы. Его глаза Рита потом долго не могла описать даже самой себе. Не зелёные. Не карие. Не серые. В них было что-то тёплое, солнечное и глубокое сразу, как если бы кто-то смешал мёд, листву и речную воду.

Он смотрел на неё не так, как смотрят на странных девочек.

Не настороженно.

Не насмешливо.

Не оценивающе.

Он смотрел на неё так, будто она действительно только что вылетела из-за забора.

Как чудо.

Рита никогда раньше не видела такого взгляда. От него по её телу сразу побежали тёплые мурашки, будто кто-то невидимый взял её за плечи изнутри и тихо встряхнул.

Мальчик затормозил так резко, что чуть не слетел с велосипеда.

Протёр глаза тыльной стороной ладони.

И, собрав в себе весь воздух, какой смог, сказал с поразительно серьёзной для мальчишки прямоотой:

— Девочка, ты такая красивая. Как тебя зовут?

У Риты просияло лицо.

Она хотела ответить сразу. Хотела даже не просто назвать имя, а сказать что-то хорошее в ответ. Что он тоже красивый. Что у него очень добрые глаза. Что он появился как раз в тот момент, когда мир и без того был слишком прекрасен, и от этого всё стало почти невыносимо. Но мурашки разлились по телу такой волной, что её голос просто исчез.

Она улыбнулась.

И, сама не понимая зачем, протянула ему один маленький жёлтый цветок.

Солнце играло в её волосах.

Русых, чуть рыжеватых, чуть выющихся на концах. Они никогда не лежали как надо, а в такую погоду и вовсе оживали отдельно от неё: тонкие пряди поднимались ветром, ловили свет и будто начинали светиться сами. Мать иногда сердилась, называла их «лохматым веником», но мальчик на велосипеде смотрел на них так, будто в мире не было ничего прекраснее.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать.

Рита видела, как слова уже подошли к самому краю. И не вышли.

Нюрка подлетела ближе и почти ткнулась рулём ему в бок.

— Я же говорю, странная, — зашипела она уже тише, но так, чтобы Рита тоже услышала. — Тебя в школе засмеют. Видишь, молчит.

Печаль так резко ударила Риту, что у неё потемнело внутри. Не снаружи, нет. Мир остался тем же: солнце, забор, цветы, мокрая земля. Но внутри будто мгновенно пролили холодную воду на что-то очень нежное и только-только расправившееся.

Мальчик дёрнулся.

Она увидела — он стыдится.

Не её. Себя.

Но это ничего не изменило.

Он поехал за Нюркой.

Не быстро. Не уверенно. Будто сам не понял, как уже тронулся с места.

Рита осталась у забора одна.

В руке у неё ничего не было. Цветок остался у него.

Она смотрела вслед удаляющимся велосипедам и чувствовала, как тёплые мурашки всё ещё бегают по телу, только теперь в них почему-то поселилась боль.

— Это они больные, а не я, — сердито шепнула она цветам. — Особенно эта велосипедная девка.

Ей очень хотелось верить, что это правда.

Хотелось удержать в себе хотя бы одну вещь: мысль, что с нею всё в порядке.

Через несколько секунд она услышала, как где-то далеко за поворотом скрипнули тормоза.

Потом ещё.

Потом тишина.

А потом мальчик вернулся.

Уже один.

Рита не видела самого момента, когда он снова появился у забора, потому что в ту секунду как раз перелезала обратно. Но почувствовала его раньше, чем заметила. То самое тепло снова ударило по телу. Она подняла голову.

Он был совсем рядом.

Смотрел на неё виновато, растерянно, решительно и будто ещё на что-то надеясь.

Но Рита испугалась.

Не его.

Того, как сильно ей уже хотелось, чтобы он снова заговорил.

Она соскочила на дорожку, схватилась за мокрый край забора, развернулась и побежала, не разбирая дороги. Только бы не заплакать у него на глазах. Только бы не выдать, как важен оказался этот его один взгляд.

За спиной ничего не звучало. Ни оклика, ни смеха, ни шин по асфальту.

Только сердце колотилось так, будто хотело вырваться и остаться там, у школьного забора, рядом с цветами и мальчиком, который сначала подъехал, а потом уехал.

Саня ездил по району до самого заката.

Он сам не знал, что именно ищет. Дом? Окно? Двор? Девочку? Он запомнил слишком мало, чтобы искать разумно, и слишком много, чтобы перестать искать. Свет в её волосах. Улыбку. Тонкие пальцы, протягивающие мать-и-мачеху. И глаза странного цвета, в которых было столько тепла, что он до сих пор чувствовал его в груди.

Мать-и-мачеха, которую она ему дала, уже начала поникать в ладони.

Он держал её так осторожно, будто это был не цветок, а доказательство того, что всё случилось на самом деле.

— Я тебя найду, — сказал он закату, когда улицы уже стали оранжевыми, а деревья потемнели. — Обязательно.

Слова прозвучали тихо.

Но в груди после них вдруг разлилось что-то очень тёплое и странное. Не просто радость. Не просто счастье. Будто внутри стало больше места. Будто сердце у него оказалось не там, где у всех, а немного шире, и теперь по нему шёл свет.

Саня не понимал, что это.

Но ему нравилось.

Дома он взял с полки старую книгу сказок, спрятал туда мать-и-мачеху и закрыл между страниц так бережно, как будто совершал клятву.

Цветок должен был сохраниться.

Хотя бы он.

Хотя бы память о том, что в его жизни однажды появилась девочка с солнцем в волосах. Весна после этого как будто пошла иначе.

Саня стал тише.

Взрослые говорили, что он повзрослел. Что стал серьезнее. Что на него можно положиться. Мама с нежностью гладила его по голове, отец одобрительно прищуривался и называл наконец «мужиком», хотя Сане от этого слова делалось только неуютнее. Он не чувствовал себя мужиком. Он чувствовал себя человеком, у которого появилось что-то тайное и очень большое.

Нюрка сначала бесилась.

Потом смеялась.

Потом пыталась делать вид, что ей всё равно.

Но Саня и правда изменился. Он больше не втягивался в её бесконечные соревнования, хотя ездил на велосипеде по-прежнему превосходно. Просто теперь скорость перестала казаться ему главным смыслом движения. Нюрка обожала мчаться, будто хотела доказать самой дороге, что победит её. Саня же всё время смотрел по сторонам: на драку ворон в луже, на блеск стекла у разбитой теплицы, на клейкие листья тополя, на первые тонкие травинки у обочины.

— Ну что ты плетёшься? — кричала Нюрка с конца улицы. — Опять влюбился в какой-нибудь листик?

— Не в листик, — отвечал он.

— А во что?

Саня пожимал плечами.

Он не собирался никому рассказывать о девочке с солнцем в волосах. Тем более Нюрке. Тем более сейчас, когда сам ещё не понимал, как можно носить в себе такое чувство и не светиться им наружу, как фонарь.

Но всё равно светился.

Нюрка видела это. И злилась так, будто ей не объяснили правил игры, а она уже проиграла.

Лето подошло быстро.

Саня всё искал.

Сначала осторожно. Потом почти одержимо. После школы делал круги мимо забора, как будто девочка могла появиться снова просто из-за силы его ожидания. Он придумал этому месту имя — Колыбель солнца. Ему казалось, что именно там что-то началось не только у цветов, но и в нём самом.

Он искал всё лето.

И не нашёл.

Потом пришла новость.

Переезд.

Отец получил повышение. Семья должна была уезжать в столицу.

Саня сначала не понял смысла сказанного. Слова матери долетали будто из воды, медленно, глухо, с задержкой. Только когда она обняла его, он вдруг осознал: если они уедут сейчас, он может больше никогда не увидеть девочку с солнцем в волосах.

Это осознание обрушилось на него целиком.

Он опустился прямо на пол, не потому что хотел драматизировать, а потому что ноги перестали держать.

— Значит, я так и не смогу найти её, — сказал он с такой беспомощной прямоотой, что мать замолчала.

— Найти кого? — тихо спросила она.

Он вытер лицо ладонью. Только тогда понял, что плачет.

— Девочку с солнечными волосами.

Мать смотрела на него долго. Не насмешливо. Не испуганно. Скорее так, как женщины смотрят на мальчиков в первый момент, когда понимают: детство уже не вернётся в прежнем виде.

— Почему же ты не познакомился? — спросила она.

Саня закрыл глаза.

— Я струсил.

Слово ударило его самого.

Да, именно это и произошло. Не Нюрка виновата. Не весна. Не возраст. Он сам. Он выбрал стыд вместо верности своему чувству. И теперь платил за этот выбор заранее, ещё до отъезда.

— Мне очень надо извиниться перед ней, — сказал он. — Очень.

Но переезд не отменили.

Отец уезжал первым. Мать не могла остаться одна с вещами и ребёнком. Жизнь взрослых, как оказалось, не меняла курс только потому, что мальчик однажды увидел солнце в чужих волосах и понял про мир что-то главное.

В ночь перед отъездом Саня пришёл к школьному забору.

Было темно. Воздух пах мокрой травой и металлом. Мать-и-мачехи давно исчезли. Земля уже всё забрала обратно. У него в кармане лежал кусок мела.

Он долго стоял перед досками, не решаясь.

Потом написал:

Я тебя люблю. Прости меня.

И рядом попытался нарисовать одуванчик. Получилось криво. Больше похоже на кляксу со щетинками. Но ему очень хотелось верить, что если она увидит, то поймёт: это для неё.

Для девочки, которая разговаривала с цветами.

Для девочки, в чьих волосах солнце однажды повело себя как живое.

В столице жизнь оказалась слишком быстрой.

Школа. Учёба. Люди. Новый ритм. Новые голоса. Новые требования. Всё было крупнее, громче и как будто настойчивее. Здесь даже воздух не просил, а требовал. Отвечай. Беги. Решай. Соответствуй.

Но девочка с солнцем в волосах не ушла.

Наоборот.

Она стала как внутренний источник света, который вспыхивал иногда так резко, что у Сани дыхание сбивалось прямо в метро, на лестнице, у витрины, на уроке. Он носил её в себе не как воспоминание даже, а как знание: в мире есть нечто настолько прекрасное и настоящее, что ради этого стоит быть лучше, чем ты был в тот момент у школьного забора.

Он никому не рассказывал об этом.

Даже матери.

Только иногда открывал книгу сказок, где между страниц лежала высохшая мать-и-мачеха, уже почти прозрачная, и сидел над ней молча, пока внутри не становилось снова тихо.

Прошло два года.

Он вырос. Вытянулся. Научился держать удар, не теряя равновесия. Мальчишки во дворе прозвали его Кузнечиком, потому что в драках он почти не бил первым, только уворачивался, отпрыгивал, ускользал. Прозвище ему понравилось. В нём было движение, а не тяжесть. Жизнь, а не поза.

Но главное в нём не изменилось.

Он всё ещё ждал.

Родители не любили возить его обратно в город. Сначала говорили, что некогда. Потом, что незачем. Потом просто отшучивались, будто его история про девочку с солнечными воло-

сами была милой детской нелепостью, которая однажды сама рассосётся, как корочка от детской ранки.

Саня знал, что не рассосётся.

Поэтому копил деньги.

Работал летом.

Считал.

Отказывался от лишнего.

И, когда смог, купил билет сам.

Прилетел в конце октября.

Осень в родном городе встретила его золотом и тихой прозрачной грустью. Листья шуршали под ногами, воздух был такой ясный, что от него немного болели лёгкие, а солнце не грело, а светило изнутри вещей.

Саня часами бродил вокруг того самого места у школьного забора.

Ему стало страшно только одно: что он не узнает её.

Что сохранил слишком мало.

Что помнит только свет в волосах, странный цвет глаз и то ощущение, будто рядом с ней он вдруг стал больше, чем был до этого.

Но сердце, как оказалось, не подводит там, где память бессильна.

В тот день оно вспыхнуло в нём так резко, что он даже остановился.

Просто среди улицы.

Ни с того ни с сего.

Тепло разлилось по груди, мурашки побежали по телу, как тогда, два с половиной года назад, у школьного забора.

— Но где же ты?.. — тихо выдохнул он.

И тут увидел её.

Сначала не лицо.

Фигуру.

Маленькую, стремительно бегущую по улице. Совсем юную. С заплаканным, как потом выяснилось, лицом. Волосы были заплетены, и всё равно в них играло солнце. Не сияло снаружи, а будто жило внутри каждой пряди.

Она неслась прямо на него, глядя не под ноги, а в небо, как человек, который ещё надеется успеть к чему-то очень важному.

Саня не отошёл.

Он только успел раскинуть руки и чуть расслабить тело, чтобы не ушибить её сильнее.

Они врезались друг в друга.

Удар вышел мягким.

Он успел удержать её, почти поймать, почти не дать упасть.

На секунду мир сжался до очень простых вещей: её дыхания, солнца в её волосах, тёплого веса маленького тела, которое тут же попыталось выскользнуть.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, не поднимая глаз.

Та же мурашечная беспомощность ударила в него, что и в первую встречу. Ему хотелось сказать сразу всё: что он искал её, что не забывал, что это он, что она прекрасна, что он так и не простил себе того уезда.

Вышло только едва слышное:

— Ничего страшного. С тобой всё в порядке? Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю.

Прости, что уехал тогда на велосипеде.

Но она уже бежала дальше.

Не слышала.

Саня остался на месте ещё на секунду.

Потом пошёл следом.

Не близко. Не навязчиво. На расстоянии, на котором ещё можно заботиться, не пугая.

Она спешила к пруду.

И когда села на старую корягу у воды, он вдруг понял: нет, он не ошибся.

Она шла на встречу с солнцем.

Закат уже начинал опускаться за горизонт. Вода в пруду переливалась густо и медово, солнце дробилось на ней сотнями тонких золотых дорожек, а девочка с солнцем в волосах сидела на коряге и смотрела так, будто мир в этот момент действительно имел смысл.

Саня остановился в тени деревьев.

Он не подошёл.

Не потому что не хотел.

Потому что снова не мог справиться с речью.

Тепло уже разлилось по груди. Мурашки бежали по рукам. Голос будто кто-то у него отнял и сказал: подожди. Посмотри. Запомни.

Он смотрел.

Видел, как у неё постепенно расправляются плечи. Как уходит с лица дневная боль. Как солнце входит в неё через прищуренные ресницы, и от этого она становится не просто красивой, а такой живой, что почти больно смотреть.

И в тот момент он понял ещё одну вещь.

Он хочет не просто найти её.

Он хочет защищать её от того, что делает её вот такой печальной до заката.

Но как — не знал.

Это бессилие жгло.

И любовь тоже жгла.

И оттого ему стало удивительно хорошо и тяжело сразу, как бывает, когда в тебе помещается больше света, чем ты, как тебе кажется, способен вынести.

Он проследовал за ней до самого дома.

Несколько раз пытался заговорить.

Не смог.

Зато теперь знал, где она живёт.

А это было уже почти чудо.

Он вернулся в гостиницу поздно ночью и долго лежал без сна.

Смотрел в потолок.

Слушал, как за окном редко проезжают машины.

И думал только об одном: завтра он пойдёт рядом с ней в школу. С рюкзаком, будто просто старшеклассник, которому по пути. И на этот раз не уедет.

Он найдёт слова.

Обязательно.

Потому что девочка с солнцем в волосах не должна больше исчезнуть просто из-за того, что у него снова подвёл язык.

Рита не знала, куда себя деть.

Не метафорически — буквально. В теле не было места, где можно было бы стоять спокойно. Всё внутри словно сместилось, съехало, стало чужим. Хотелось взмахнуть крыльями и исчезнуть, но крылья, если они когда-то и были, давно куда-то пропали.

— Почему твой отец такой... — голос матери резал, не договаривая слова до конца, но Рита и так знала их все.

Они били не в уши.

В грудную клетку.

Прямо в центр.

Слова не просто звучали — они ложились на неё тяжёлым слоем, липким, вязким, как если бы её по пояс заливали тёплой грязью. Отчаяние, злость, усталость, обида, накопленная годами, — всё это выходило из матери потоком, в котором Рите не оставалось ни воздуха, ни пространства.

Она стояла посреди комнаты.

Почти не двигаясь.

Как будто её вкопали.

Отвечать было нельзя. Рита знала это уже слишком хорошо. Любое слово — и поток усилится. Станет громче, быстрее, больнее. Мать не остановится. Пройдёт по ней, как танк, пока не останется ничего, кроме пустоты и дрожи.

Поэтому Рита молчала.

И ждала.

Когда это закончится.

В голове всплывали мысли, резкие, чужие, как обрывки чужих разговоров:

Почему меня никто не защищает?

Почему все ненавидят друг друга, но продолжают жить вместе?

Зачем жертвовать собой, чтобы потом убивать этим же?

Чем я провинилась?

С каждым словом матери внутри становилось холоднее.

И вдруг — свет.

Не снаружи.

Сначала в глазах.

Потом — на полу.

Рита опустила взгляд.

Сквозь тонкую тюль на полу лежали солнечные пятна. Неровные, живые. Тюль чуть покачивалась от приоткрытой форточки, и свет двигался вместе с ней — мягко, плавно, будто дышал. Он прыгал с ковра на паркет, дробился, собирался, менял оттенки, как если бы играл сам с собой.

Рита смотрела.

И вдруг заплакала.

Не всхлипывая.

Не сжимаясь.

Не закрывая лицо.

Слёзы просто текли.

Тело всё ещё стояло, тяжёлое, чужое, как будто наполовину закопанное в землю, но где-то глубже появилось ощущение: *я ещё здесь*.

— Как же всё-таки красиво, — подумала она сквозь слёзы.

И в этом не было противоречия.

Можно было стоять по пояс в чужой боли — и одновременно видеть, как свет танцует на полу.

Свет не отменял боли.

Но не давал ей стать всем.

Постепенно голос матери стал тише.

Потом — мягче.

Потом в нём появились нотки жалости, как будто она сама испугалась того, что выплеснула.

— Пойдём, — сказала она уже иначе. — Чай попью.

Рита кивнула.

Коричневая тяжесть внутри не исчезла, но стала менее вязкой. Уже можно было двигаться. Медленно. Осторожно. Как человек, который привык ходить, когда ноги ещё не до конца слушаются.

Она знала: через несколько минут её отпустят.

И она выйдет.

К солнцу.

Мысль о закате появилась как спасательный круг.

Закат, закат, закат.

Она держалась за него, как за верёвку.

Когда наконец вышла из квартиры, тело было тяжёлым. Руки не поднимались до конца. В груди ныло. Ноги шли чуть вразвалку, как будто земля под ними ещё не решила, отпускать её или нет.

Но небо уже розовело.

Рита подняла голову.

— Успею, — прошептала она.

И побежала.

Получалось плохо.

Тело не слушалось, дыхание сбивалось, в какой-то момент она задела вазу у входа, та упала, вода расплескалась по полу, пришлось возвращаться, вытирать, переодеваться. Это отняло драгоценные минуты.

Теперь она уже не бежала — она догоняла.

Закат.

Свет.

Себя.

— Только бы успеть, — повторяла она.

И именно в этот момент врезалась.

Во что-то мягкое.

Точнее — в кого-то.

Удар оказался неожиданно бережным.

Будто её не остановили, а поймали.

Рита вздрогнула.

Опустила глаза.

— Извините, пожалуйста, — пробормотала она, не поднимая головы.

Она не смотрела на него.

Старая детская привычка: если не видишь — будто и тебя не видно.

Но голос она услышала.

Тихий.

С чуть заметным дыханием между словами.

— Ничего страшного... С тобой всё в порядке? Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю... Прости, что уехал тогда на велосипеде...

Она не услышала смысл.

Слова прошли мимо.

Как ветер.

Рита уже бежала дальше.

К пруду.

Когда она добралась до коряги, солнце уже на треть ушло за горизонт.

Она села.

Сразу.

Как будто больше не могла стоять.

Дыхание постепенно выровнялось.

Слёзы высохли.

Она прищурилась — и позволила свету войти.

Он лился внутрь через ресницы, через глаза, через кожу. Тёплый, густой, как мёд. Он проходил сквозь грудь, где ещё недавно застревали слова матери, и что-то там осторожно освобождал.

Шипы отваливались.

Не сразу.

Но один за другим.

Тело начало чуть подрагивать — как бывает после плача, когда напряжение выходит само, без разрешения. Рита вовремя это заметила и остановила. *Только бы никто не увидел.*

Солнце лечило.

Она знала это уже давно.

— Как же хорошо, — прошептала она.

И вдруг поймала мысль.

Эти мурашки...

Они снова побежали по телу.

Такие же.

Как тогда.

У забора.

Когда мальчик на велосипеде сказал, что она красивая.

Рита чуть улыбнулась.

— Интересно... почему я сегодня так часто о нём думаю?

Солнце медленно опускалось.

И как будто отвечало:

А разве для радости нужна причина?

Она улыбнулась шире.

И впервые за весь день почувствовала не просто облегчение — радость. Тихую, беспричинную, как будто она принадлежала не событиям, а самому миру.

Саня стоял в тени деревьев.

Он видел всё.

Не каждую деталь — состояние.

Он видел, как она пришла — сжатая, как пружина.

Как села — будто у неё больше не осталось сил.

Как постепенно отпустило плечи.

Как лицо стало мягче.

Как свет начал жить в ней.

Он не сомневался.

Это она.

Та самая.

Девочка с солнцем в волосах.

Теперь волосы были собраны в косу, но отдельные пряди выбивались, ловили закат и загорались тёплым, живым светом. Не отражали — держали его.

Саня сделал шаг вперёд.

И остановился.

Тепло уже разлилось по груди. Знакомое. Сильное. Почти болезненное.

Слова не шли.

Он снова оказался тем мальчиком у забора.

Только теперь понимал больше.

Он не должен сейчас вторгаться.

Она не для того пришла сюда, чтобы с ней говорили.

Она пришла — дышать.

И он остался.

Смотрел.

Учился молчать рядом.

Он увидел, как она улыбается закату.

И в этот момент понял:

он хочет не просто быть рядом.

Он хочет, чтобы у неё было больше таких моментов.

Чтобы никто и ничто не могло забрать у неё это состояние.

Но как это сделать — не знал.

Поэтому просто стоял.

И чувствовал, как внутри становится больше света, чем раньше.

Когда солнце почти скрылось, Рита встала.

Медленно.

Как человек, который снова научился двигаться.

Она пошла домой.

Саня — за ней.

На расстоянии.

Не скрываясь, но и не приближаясь.

Он провёл её до самого подъезда.

Там остановился.

Дальше идти было нельзя.

Не по правилам.

Не по возрасту.

Не по какому-то внутреннему ощущению границы, которое он пока не мог объяснить, но уже чувствовал очень точно.

Он смотрел, как она заходит.

Как закрывается дверь.

И только тогда позволил себе выдохнуть.

Завтра, — подумал он.

Завтра я заговорю.

Он уже знал, как.

Просто будет рядом.

Пойдёт в ту же сторону.

С рюкзаком.

Как будто ему тоже в школу.

И на этот раз не отступит.

Потому что девочка с солнцем в волосах больше не должна исчезнуть из его жизни из-за его молчания.

Он стоял у подъезда ещё несколько секунд.

Потом развернулся.

И пошёл в ночь, в которой уже не было той пустоты, что была раньше.

Внутри у него горел тихий, упрямый свет.

И он знал:

это только начало.

На следующее утро он вышел раньше.

Надел рюкзак.

Не потому что надо —

чтобы не пугать.

Стоял у поворота к школе и делал вид, что просто ждёт кого-то.

Сердце билось странно ровно.

Как перед чем-то важным.

Она появилась не сразу.

Сначала — свет.

Потом — она.

Рита шла быстро, почти бежала, глядя в небо, как будто проверяла, на месте ли солнце.

Саня сделал шаг.

Потом ещё один.

И в этот раз — не остановился.

— Привет, — сказал он.

Голос вышел тише, чем хотелось, но уже настоящий.

Рита вздрогнула.

Подняла глаза.

И замерла.

Зелёно-карие.

Те самые.

Взгляд, который уже когда-то держал её — и не отпустил.

Тепло ударило в грудь.

Сразу.

Мурашки — как тогда.

— Ты красивая, — сказал он, не успев придумать ничего умнее. — Как тебя зовут?

Рита попыталась ответить.

Не получилось.

Тело снова решило за неё.

Она улыбнулась.

И этого оказалось достаточно.

— Замёрзла? — быстро добавил он, спасая её молчание.

— Да, — выдохнула она, благодарная за возможность хоть что-то сказать.

— Я Саня.

— Рита...

Имя прозвучало как что-то знакомое.

Как будто он знал его всегда.

Они пошли рядом.

Не договариваясь.

Не синхронизируя шаг.

Но темп совпал сразу.
— Ты в каком классе?
— В шестом...
— Маленькая, — сказал он и тут же испугался, что это прозвучало неправильно. — В смысле... это не важно.

Рита тихо засмеялась.
И напряжение чуть отступило.
— Ты любишь велосипеды? — спросил он вдруг.
— Не умею, — честно ответила она.
Саня остановился.
Посмотрел на неё внимательно.
Как будто принял решение.
— Тогда сегодня научу.
— Сегодня?
— Да.
— В два?
Она кивнула.
И впервые посмотрела на него прямо.
Осознанно.
Солнце зацепилось за её волосы.
Разложилось на тонкие нити.
И Саня снова подумал:
солнце не снаружи — оно в ней.

В два он был на месте раньше.
С велосипедом.
Маленьким.
Нелепым для него.
Идеальным для неё.
Он не сел.
Он бежал рядом.
Держал руль.
Подстраивался под её неуверенность.
Не отпускал.
И не давал почувствовать, что она не справляется.
— У тебя получается, — говорил он.
Хотя она падала почти сразу.
— Нет...
— Да.
— Я худшая...
— Ты просто учишься.
Она смеялась.
Потом почти плакала.
Потом снова смеялась.
Через пятнадцать минут ей казалось, что прошёл час.
Через час — что прошла жизнь.
И в этой жизни было что-то совершенно новое:
кто-то рядом,

кто не торопит,
не раздражается,
не давит.
Они дошли до пруда.
Сели на корягу.
Ту самую.
— Я здесь играл в детстве, — сказал он.
— Я тоже, — удивилась она.
И это «тоже» стало между ними мостом.

Он говорил.
Много.
Легко.
За двоих.
Чтобы ей не пришлось.
И это было самым точным попаданием.
Он не требовал ответа.
Не ждал.
Просто был рядом.
И в этом было столько уважения,
что Рите впервые стало спокойно.
Она слушала.
И чувствовала:
её не нужно исправлять.

Когда он рассказал про тот день с велосипедом —
она не выдержала.
Заплакала.
И уткнулась ему в грудь.
Сразу.
Без разрешения.
Без мысли.
Как будто знала:
здесь можно.
Он замер.
Потом осторожно обнял.
Очень аккуратно.
Будто держал свет.

Неделя пролетела.
Не днями.
Состоянием.

Он провожал её.
Забирал.
Учился вместе с ней.
Учил её.
Смеялся.
Молчал.
Смотрел, как солнце ложится в её волосы.
И каждый раз думал:
я должен стать сильнее.
Не ради себя.
Ради неё.

Перед отъездом он сказал:
— Я буду помогать тебе поступить.
— В столицу?..
— Да.
— Я не смогу...
— Сможешь.
Он сказал это спокойно.
Как факт.
И она поверила.
Сразу.

Они стояли у автобуса.
— Мы будем писать, — сказал он.
— Каждый день?
— Каждый.
— И ты приедешь?
— Как только смогу.
Пауза.
— Я подожду, пока ты вырастешь, — добавил он тихо.
Она улыбнулась сквозь слёзы.
— Я быстро.

Когда автобус уехал,
Рита долго стояла.
Смотрела вслед.
И чувствовала:
внутри стало больше света,

чем раньше.
Не потому что стало легче.
А потому что появилось направление.